

Так уж, видно, на роду
Нам написано резвиться
Сколько есть недель в году –
И нельзя остановиться...
/ Иоганн Гете /

Обожаю первое декабря. Спросите, почему? Сама толком не знаю. Это не связано с наступлением зимы. Я, вообще, не переношу холод, пронизывающий беспринципный ветер, пренебрегающий любым видом верхней одежды и приникающий под нее. Он опоясывает тебя ледяной лентой, словно выступает на соревнованиях по художественной гимнастике, сам придумывает классическое произведение с нагнетанием звука и заставляет слушать, а тебе никуда не деться от его исполнений. Музыка вихря звучит в ушах до тех пор, пока ты не скроешься от нее в теплом месте, лучше в собственной квартире, где окружают другие, ласковые и знакомые звуки, которые помогут расслабиться.

Но я отвлеклась... За что же я люблю первое декабря? Уж, точно не за то, что ровно через месяц наступит Новый Год. В отличие от многих людей, я не понимаю этого праздника. Недели за две начинается массовый психоз: народ закупает все подряд, будто на носу конец света или на город идет ураган «Снегурочка», о чем заранее предупредила заботливая МЧС, и порекомендовала не покидать своих квартир в первых числах приходящего года. В связи с чем, все население решило забить холодильники, лоджии (хорошо, что на улице -10) и другие подходящие места съестным боекомплектом в виде деликатесов и прочей ерунды, которая в изобилии представлена на полках супермаркетов. Ненавижу глупую суету и не понимаю, зачем две недели скупать все подряд, несколько дней готовить, заставить яствами стол, усесться перед этим кулинарным великолепием и втягивать в себя все подряд, подобно пылесосу. Но это еще не все. По прошествии нескольких дней, когда холодильник облегченно вздохнет, народ потянется к аптекам, где станет приобретать средства для пищеварения, потому как желудок, обадлевший от количества и разнообразия, отказывается принимать продукты, которые еще сидят и ждут своего часа. Ну, не выбрасывать их, в самом деле, тем более, что «уплОчено!». Лучше смерть от ожорства, чем сделать подарок мусорному контейнеру.

Итак, снова возвращаюсь назад, к первому декабря... Я люблю, когда долгота дня увеличивается. Октябрь и ноябрь рвут мою душу своим наглым захватом. Каждый из них норовит урвать от короткого светового промежутка огромный кусок. Я с неудовольствием замечаю, что каждый прожитый день ощутимо короче предыдущего. Это меня гнетет, давит на психику и превращает в ворчунью, хотя, на самом деле я веселушка-хохотушка. Накануне первого декабря осень, прихватив туманную серость и мокроту, нерешительно уходит, и ей на смену приходит легкомысленная зима, которая еще не осознает, что надо ковать землю и издеваться над молодежью, пренебрегающей натуршубами до пят и мохнатыми шапками, закрывающими половину лица. А это очень важно – вдруг мимо пройдет твоя судьба, а ты не заметишь. Увидишь одну нахлобученную до носа шапищу, похожую на приболевшего ежа с мягкими иглами. Девушка-зима берет под уздцы календарного коня, он замедляет бег, декабрьские дни топчутся на месте, лишь изредка делая шагжок назад, а после и вовсе останавливаются на некоторое время, начиная с семнадцатого, когда красавица Варвара решается на беспрецедентный поступок и «обрывает ночь». И затем я начинаю блаженствовать – перекидываю лист календаря и вижу, как день робко прибавляет к себе минуту, две, и пошло-поехало! Моя жизнь пробуждается от зимней спячки!

Вот за это я обожаю декабрь! Меланхолия и грусть прячутся в сейф на хранение, который в свою очередь выдает мне кредит радости и позитива.

Я снова превращаюсь в оторву, как меня с детства прозвали жители нашего дома, расположенного на улице Ленина. И не только я, но и моя ближайшая подруга Катька Тюльпанова, с которой мы знакомы... Даже страшно вслух произнести... Если нам по двадцать шесть, а познакомились, когда пришла пора иди в детский сад, то можно легко сосчитать - мы дружим почти двадцать три года. С тех самых пор, как нас привели в дошкольное учреждение «Чебурашка» с разницей в один день. Я уже была старожилом, проведя самый несчастливый день своей жизни в саду, где на завтрак дали манную кашу с плавающим сверху куском масла, от вида которого мне сделалось дурно, на обед – вермишелевый суп с темными крапинками жареного лука с ужасным запахом, после... Бр-р-р, не хочу вспоминать. В тот день я поняла, что счастливое детство безвозвратно ушло, и на следующее утро предприняла попытку сказать тяжело больной, повторив действия Карлсона. Но мой отец, Петр Алексеевич Соломкин, не превратился в Малыша и не повелся на мои стоны, заставил быстро собраться и повел в ужасное место, где на стене нарисовано лопухое симпатичное существо, не указанное ни в одной энциклопедии.

В тот день в младшей группе появилась новая девочка, я то была уже со стажем в девять часов, которые надо умножить на три в виду вредных условий и жуткой еды, отвергнутой моим организмом. Остальные дети не брезговали тарелкой каши с желтым островом посередине, горелым луком и другими прелестями общепита. Новенькая со слезами взирала на горку серого пюре, заменившего вчерашнюю манку. Я ободряюще ей кивнула и вытащила из сумочки, с которой не расставалась, вызывая зависть девочек и интерес мальчиков, две конфеты. Катя протянула руку, улыбнулась сквозь слезы, но я отрицательно покивала головой.

- Это для Вовки, - прошептала я и зыркнула в сторону упитанного соседа за столом, уминавшего за обе щеки свою порцию.

- Почему? – удивилась Тюльпанова, неотрывно следя за конфетами в красочных обертках, занявшими всю мою ладошку.

- Если мы...это не съедим, нам за пазуху засунут. – с умным видом заявила я, указывая на содержимое тарелки. Отсидев вчерашний срок в девять часов, я своими ушами слышала, как воспитательница, похожая на домомучительницу, но без клетки с котом, грозилась проделать со мной вышеописанную процедуру.

Катерина содрогнулась, оценила невзрачную горку пюре, половинку сардельки и с отчаянием в голосе сказала.

- Я не смогу это проглотить.

- Вчера за меня все Вовка съел, - вздохнула я, сомневаясь в способностях мальчика, больше походившего на пупса в перевязочках, расправиться с дополнительными двумя порциями.- Хорошо, барбариски в сумке нашлись. Вова согласился на обмен, но предупредил, что предпочитает шоколад.

- А я сосательные больше люблю, - с надеждой в голосе доложила новая подруга.

- Я тоже, - сосредоточенно кивнула я, подмечая, как мальчик-пупс соскребает с тарелки остатки пюре. – Пора! – громким шепотом заявила я и подвинула к Вовке свою тарелку, присоединив к ней конфету. Обжора быстро спрятал в карман сладость и принялся за второй завтрак.

- Боюсь, моя порция в него не влезет, - прошептала Катя и перевела взгляд на четвертого члена нашего стола. Это был Федька Мазуров, шклявый пацан с рыжими вихрами и лицом, припорошенным веснушками.

- Будешь? – спросила я, кивая на тарелку подруги и показывая конфету, которая превратилась в маятник, зажатый в моих пальцах.

- Только сардельку! – насупился Федор, следя за движением маятника, подобно моему будильнику, где глаза кота двигались в секундном ритме.

- Не выйдет, - вступила в переговоры пришедшая в себя Тюльпанова. – Или все, или ничего!

- Ладно, - согласился сладкоежка и принялся за работу. Мы произвели обмен, придвинули к себе пустые тарелки и получили похвалу домомучительницы.

С этого дня берет начало наша дружба с Катериной. Помните, у детского писателя Носова: «Мы с Валею затейники, мы всегда придумываем какие-нибудь игры»... Это про нас с Тюльпановой. Только за эти развлекательные игры, мы получаем тумачи и шишки, но не унываем, а продолжаем озорничать. Наши родители так были рады нашей дружбе, что решили соединиться в одном доме – Тюльпановы переехали к нам на улицу Ленина, в дом номер тридцать восемь, где мы живем до сей поры.

Что только мы не придумывали! Про кошелек на веревочке рассказывать не буду, старая шутка, но на нее легко ловились алчные личности, типа нашей соседки бабы Вари, любительницы потаскать нас за уши. Мы не ябеды, жаловаться на дерзкое поведение пожилой женщины не стали, но мой любящий родитель застал Бабу Варю за физической расправой над нами, освободил нас от ига особы без чувства юмора и пригрозил.

- Если Вы, Варвара Ивановна, еще раз тронете пальцем Машу или Катю, то я Вас собственноручно зарюю в яме, но предварительно помещу в канализационную трубу!

Бабка стала верещать и перечислять наши неблагоприятные, по ее мнению, поступки, на что мой папа, большой начальник над всеми коммунальными службами, веско заявил, ухватив соседку за костлявый локоть.

- Алчность до добра не доводит!

- А Вы... неправильно воспитываете детей! – писклявым голосом произнесла она и попыталась высвободиться.

- Чья бы корова мычала, - прошептала мне на ухо Катерина. – У самой сынок из тюрем не вылезает.

- Угу, - согласилась я, исподлобья наблюдая за разбором нашего воспитания.

Отец, словно услышал нас, и с ядовитой улыбкой произнес.

- Надо руководству колонии, где сидит ваш прилежный сынок, написать, чтобы прислали Вам благодарственное письмо за отличное воспитание Кузнецова Михаила... Как его отчество?

- Евграфович, - лягнула, не подумав, образцовая мать.

- Так что скоро грамоту получите за отличное воспитание Михаила Евграфовича Кузнецова. – с напускным почитанием сказал отец. – Сколько ему годков стукнуло? – Баба Варя недобро зыркнула на соседа. – Наверное, под сорок... Из них всего лет пятнадцать на свободе побыл.

- Восемнадцать, - поправила Кузнецова и поджала губы.

- Весомая поправка, - согласно кивнул Соломкин. – А если бы своему сыну уши сворачивали, глядишь, почаще виделись.

- Ты меня не учи! – с ядом в голосе заключила пожилая женщина. – Вот Мишка выйдет, я ему все скажу.

- Как выйдет, так и зайдет! – на ходу отчеканил отец, взял нас за руки и повел домой, не забыв прочесть лекцию об умении вести себя в обществе.

Не думайте, что мы себя почувствовали победителями и стали вести себе бесшабашнее. Я знала, как спокойный и рассудительный папа не любит вступать в перепалку с соседями, просто его повергла в шок физическая расправа надо мной и Каткой. Он меня никогда пальцем не тронул, хотя, я частенько этого заслуживала. Не читал нудных нравоучений, легко залетающих в одно ухо и вылетающих через другое. Он объяснял, что такое «хорошо» и почему это хорошо, а если произносил слово «нельзя», то

присовокуплял к нему пояснение, чтобы оно не звучало пустым звоном. Я внимательно выслушивала отца, мысленно оценивала свое неправильное поведение, ставила дрожащую троечку и сама себе обещала исправиться. Хватало дня на три-четыре, после чего на меня накатывало желание порезвиться, и мы с Катькой придумывали очередной розыгрыш, не ограничивающийся одноклассниками. Мы имели наглость подключить и педсостав, конечно, не весь, но особо нелюбимый. Инициаторами мы были по очереди, уж так получалось без договоренности. В шестом классе мы подшутили над учительницей географии. Но об этом после.

Сначала я хочу рассказать о побеге, который мы предприняли в сентябре, едва переступив порог второго класса.

В ту пору нам с Тюльпановой стукнуло по восемь лет. Может, после каникул мы не могли вклиниться в учебный ритм, может, нас потянуло на приключения, но однажды утром у Катерины родилась интересная мысль, о чем она поведала мне по дороге в школу.

- Машка, я хочу в космос полететь, - заговорщицки произнесла она, словно предложила всего лишь прогулять уроки и сходить в кино.

- В космос?! – удивилась я, в голове зазвучала музыка из фильма «Отроки во вселенной», сразу нарисовался образ девочки в серебряном скафандре, стоящей на лестнице, которая прямым вела в космический корабль. Конечно, это была я, Мария Петровна Соломкина. Я улыбалась и махала рукой, и телевизионные станции всего мира транслировали этот незабываемый репортаж. – Но как нам попасть в отряд космонавтов? – деловым тоном спросила я, будто вопрос не стоил выеденного яйца и у Тюльпановой был разработан молниеносный план.

У Катьки, действительно, был гениальный план, которым она поделилась со мной.

- Мы опередим космонавтов, проникнем в космический корабль, найдем укромное место и спрячемся, а когда нас обнаружат, будет уже поздно возвращать на землю.

В нашем воображении космический корабль походил на комнату круглой формы, где установлены кресла и мониторы. Знания мы почерпнули из любимого мультфильма «Гайна третьей планеты».

Тюльпанова заметила в моих глазах сомнение, хмыкнула и заявила.

- Если ты боишься, так и скажи!

- Я не боюсь! – задорно заверила я, спрятав глубже страх. – Но сможем ли мы найти место, которое укроет нас обоих?

Катерина нахмурилась, придвинулась ко мне вплотную, треснула меня по макушке ладонью и сдвинула ее в свою сторону, оценив мой рост, походивший ей до виска.

- Мы же маленькие, - жалобно протянула подруга, словно выпрашивала милостыню. В этом у нас тоже был опыт: летом мы играли в попрошайек, обезобразив новые платья. Но молоденький милиционер вмешался в процесс зарабатывания карманных денег, и отвел в отделение, куда были вызваны наши родители. После чего нас отмыли, принарядили и отвели в кафе, накормив до отвала мороженым, пирожными и залили все это несколькими литрами лимонада, посчитав, что девочек нужно иногда баловать, тогда и эксцессов не будет. Но при этом напомнили, что кидать тень на репутацию родителей не стоит.

- Это ты к тому, что... нас в тюрьму не посадят? – испуганно прошептала я и закусила губы, спрятав их в недрах рта. Перед глазами предстала камера, где на странном сооружении, больше походившем на куриный насест, сидели люди в полосатых робах, одним из которых был Мишка Кузнецов, сын бабы Вари, и мы с Катериной, осунувшиеся и... беззубые.

- Придурашка, ты Машка! – складно обругала меня добрая подруга. – Это я к тому, что мы найдем, где спрятаться.

Отступить было нельзя, тем более идея была заманчивой.

Две недели мы тайно сушили сухари и готовили провизию, складывая все в рюкзаки под кроватью. Когда они были туго набиты, мы решили – пора! Конечный пункт был известен – Байконур, время побега мы назначили на раннее утро пятнадцатого сентября.

- Совсем скоро мы будем смотреть на землю через иллюминатор! – уверенно говорила Тюльпанова и закатывала к небу глаза. Я тоже устремляла свой взор в манящее голубое пространство без конца и края, шурилась, выискивая нужную орбиту. Желание появиться на первых страницах газет и прославиться, увело из головы последнюю умную мысль о горюющих родителях, которых мы, естественно, в свои планы не посвятили.

Ехать мы решили на поезде, насмотревшись фильмов про беспризорников, путешествующих под вагонами. Но это было во времена гражданской войны. Сейчас приткнуться было негде. Наше брожение по путям с рюкзаками за спиной быстро заметили, пришлось включать космическую скорость и прятаться в заброшенном здании, которое оказалось обитаемым. Оказывается, в наше сытное время тоже существуют беспризорные дети, не желающие жить в домах-интернатах или совместно с пьющими родителями. Мы быстро познакомились, поделились с ребятами съестными припасами и рассказали о своих планах, надеясь на помощь.

- Малы вы еще в космос лететь, - прогундосил Пашка по кличке Нос. Его так прозвали не потому, что его нюхательный аппарат был невиданных размеров, а в связи с его постоянной заложенностью. Такой вывод сделала Катерина и поделилась со мной. На удивление мальчишка был упитанным и вальяжным, будто не сидел полуголодным и оборванным, а пребывал в имении своей бабушки - помещицы, которая во внуке души не чаяла.

- Тоже мне, взрослый, - недовольно воскликнула я, вскочила с шаткого табурета и встала в позу сахарницы.

- Мне двенадцать лет, - усталым голосом произнес «старик», за спиной которого тянулась полная лишений жизнь длиною в век.

- Подумаешь,- протянула Катя, передернула плечиками и взялась на ляжки ранца. – Пойдем отсюда, Маша! А я хотела этих людей включить в группу!

Я соловело уставилась на нее, пожелала вставить веское слово и напомнить, что космический корабль не резиновый, но Тюльпанова мне незаметно подмигнула, дескать, не спорь, так надо.

- Да, Катя, пойдем! – подхватила я. – Эти люди недостойны лететь в космос.

- Да, ладно, - хмыкнул Нос, - чего сразу обижаться! Не надо отказывать опытным людям, которые смогли проехать зайцем тысячу километров и оказались в этом городе.

- Это ты про себя, что ли? – приостановилась я, зацепив рукой резвую подругу.

- А то про кого еще?! До Байконура вам без моей помощи не добраться. – с чувством собственного достоинства заметил Нос.

Мы понимали, что он прав, но сдаваться не собирались. Зачем нам нагрузка в виде четверых ребят, двое из которых младше нас? Мы остановились в нерешительности, ожидая следующих предложений, но тут самый младший мальчик по имени Петюня вдруг заплакал так надрывно, что мы приготовились сразу поддержать его в этом порыве.

- Ты чего? – спросил Нос, присаживаясь рядом с мальчуганом и притягивая его к себе, наподобие заботливой матери.

- Не хочу, чтобы они уходили-ли, - завывал Петя, поворачиваясь в нашу сторону, - хочу еще конфет и пряников-в!

Мы с Машкой дрожащими от волнения руками достали из рюкзаков сладости и выложили перед чумазым малышом.

- Мы не уйдем, - заверила его Тюльпанова, села на колченогий стул и кивнула на мой «трон», который я покинула пару минут назад. Я опустилась на табурет и осторожно подавила в себе тяжелый вздох.

Хорошенькое дельце, - подумала я, поймав на себе насупленные взгляды мальчишек, не предвещающие райской жизни. - Вместо космоса мы оказались в банде малолетних преступников, которые могут сделать с нами все, что угодно.

- Я тоже хочу пряничкоф и конфет, - с трудом выговорил другой малыш, прозванный Фификом, за смешное произношение буквы «Ф». Он ее словно фыркал и выталкивал из себя.

Катька барабанила пальцами по коленкам и кидала на меня намекающие взгляды, смысла которых я пока понять не могла.

- Полет в космос придется отложить, - задумчиво произнесла она.

- По... - начала я и смолкла, уничтоженная огненным залпом янтарных глаз.

- Ослабленных туда не берут, - пояснила она и пощупала ручку-веточку Петюни в том месте, где должен быть бицепс. Затем повернулась к главарю, - слушай, Паша, вы с Верзилой, - она кивнула в сторону рослого черноголового мальчишки, который обосновался в компании недавно и не приобрел запущенного вида, - себя сами до нужной физической формы доведете, а Петюню и Фифика мы с Машей возьмем с собой.

- Куда это? – буркнул смуглый Верзила, похожий на цыганенка, и загородил своим телом выход из заброшенной комнаты.

- Моя семья примет Петюню, а семья Марии – Фифика. Мы их отмо...откормим, - поправила подруга, а уж потом можно всем вместе лететь.

- Сначала до Байконура надо добраться, - напомнил Нос, не желая выслушивать поучения какой-то малолетней выскочки.

- Вот ты и придумаешь, как туда доехать, - без сожаления отдала власть хитрюга Катерина.

- У тебя дома есть еще конфеты? – спросил Петюня для вида. Он готов был идти с нами куда угодно, лишь бы о нем заботились, читали на ночь книжки, целовали и желали хороших снов. И не забывали укутывать в одеяло, чтобы не зябнуть, а мерз малыш постоянно.

Фифика на привокзальной площади оставила непутевая мать. Пашка сжалился и привел его к себе. А Петюня и вовсе обязан ему жизнью: его Нос вытащил прямо из-под колес локомотива. Где его родители, мальчик не помнил, как не помнил, как оказался на путях.

- Может, из вагона выпал, - предположил Верзила.

- Кто его знает, - пространно рассудил Пашка и приютил подкидыша.

Теперь он хотел избавиться от обузы, но идти на уступки двум чистеньким выскочкам тоже не желал. В голове металась идея, подобно распустившемуся подсолнуху с молодыми семечками, неотрывно вращающемуся за дневным светилком. Нос водил взглядом по девчонкам-озорницам, пренебрегшим домашним уютом и родительской заботой.

Наверное, предки с ног сбились, разыскивая дочек, а они слетелись на опасный огонек, как неразумные мотыльки. Надо бы этим мотылькам крылышки опалить, - подумал двенадцатилетний отпрыск, - за этих девчонок можно выкуп взять, – решил он, но быстро передумал – опыта в таких делах у него не было. Это не кошельки по карманам тырить или чемоданы у зевак из-под носа уводить. Ладно, соглашусь с их предложением, но преграду расплатой, если они проболтаются про меня и Верзилу...

Нос легким движением достал из кармана обветшалых брюк складной нож, раскрыл его и с независимым видом стал поигрывать. Мы с опаской следили за острым лезвием и ждали продолжения.

- Петюня и Фифик, пойдете с ними! – приказал он, не поворачиваясь в нашу сторону. – А вы... на время забудете о нашем существовании. Через месяц встречаемся на этом самом

месте! – в подтверждении своих слов Пашка воткнул нож в прогнивший пол. И не забудьте деньги прихватить! Без бабок мы до Байконура не доберемся.

Мы не стали спорить, прихватили малышей и рюкзаки и посеменили к выходу. Верзила посторонился, но пронзил нас таким «приветливым» взглядом, что мы снова вспомнили о космической скорости...

Катерина первой заметила мечущихся по двору родителей. Мы испуганно переглянулись, вздохнули и потопали навстречу всеобщей радости, которая закончилась головомойкой в прямом и переносном смысле. Мама и папа были обескуражены не столько нашим поведением, сколько удивлены внешним видом малышей, несущих на себе «все виды существующих инфекций», как выразилась моя мать, врач-терапевт по профессии и призванию. Петюню и Фифика отмыли, накормили и отвели в милицию, откуда их переправили в детский дом. Мы с Катериной заявили, что подобрали мальчиков на вокзале, опустив рассказ про Пашку и Верзилу.

На что купилась милиция, на то не отреагировал мой отец, который устроил нам настоящий допрос. Недолго сопротивляясь, мы все выложили. Почти.

- Мальчиков надо спасать, - сказал папа, имея в виду Пашку и Верзилу, и посмотрел на отца Катерины - Сергея Сергеевича, кандидата математических наук.

- Иначе их ждет участь Михаила Кузнецова, - поддержал Тюльпанов Соломкина.

Да, Мишка был «звездой» нашего дома: о чем бы местное население ни разговаривало, сводилось все к нему. Тем более, упомянутый Кузнецов на днях нарисовался на пороге собственного дома, и не один, а в обществе молодой девицы с животом – арбузом, с которой он якобы познакомился по переписке. И так заинтересовал девушку своим витиеватым слогом, что та несколько раз приезжала к нему на свидание, а в результате образовалась семья.

- Это у нее водянка, - высказалась я, сосредоточенно изучая круглый живот.

- Сама ты, водянка, - возмутилась всезнайка Тюльпанова, - она ребенка ждет! Я сама слышала, как баба Варя соседкам рассказывала.

Я поглядывалась по сторонам, изучая обстановку во дворе, словно хотела прикинуть, чем облагородить квадрат, огороженный четырьмя домами, в ознаменование прибытия детеныша Кузнецова.

- Отсталый ты, Мария, человек! - вздохнула подруга и просветила, откуда берутся дети. Я сделала вид, что давно осведомлена, уже лет пять, не менее, и перевела разговор на более животрепещущую тему. О врагах – беспризорниках мы отцам поведали, но пока держали в тайне место их пребывания.

- Надо сказать правду, а то Пашка с Верзилой проникнут к нам в квартиру под покровом ночи и... и... горло всем перережут! - к доселе нетравмированному горлу заскребло, будто туда опустили колючий ершик, к глазам подступили слезы – умирать в расцвете лет не хотелось.

- И Гитлер капут, - невесело заключила Катька, пораскинула мозгами и согласилась. – Лучше пусть они в колонии посидят. Поумнеют и... забудут про нас, - шепотом добавила она.

Как оказалось, на днях Пашку задержали милиция, когда он улепетывал с чужим чемоданом в руках. Об этом рассказал Верзила, когда мы не придумали ничего лучше и сами пришли в логово врага, предложив ему, врагу, сдаться. Иначе... И помянули родную милицию.

- А это видали? – парень сунул нам грязный кукиш, водя им, как шлангом при поливе, - не дождетесь! – он выглянул в разбитое окно, ожидая увидеть выставленное окружение, облегченно вздохнул, пригрозил нам расправой и мгновенно исчез, как легкое облачко под действием сильных воздушных масс.

После этого мы передумали отправляться в космос и, вообще, сбегать из дома.

Мы перешли к безобидным розыгрышам, на наш взгляд, чего не скажешь о географичке, прозванной Мымрой Крысовой, которая была безответно влюблена в учителя физкультуры. На самом деле ее звали Мариной Кирилловной, но об этом вспоминали только на уроке.

Маленькая, вечно кутающаяся в пуховые платки училка не вызывала жалости ни своим видом, ни отсутствием личной жизни, о чем знала вся школа. Коллеги не пытались свести два одиночества и одно целое, потому что сами заглядывались на бравого физкультурника Дениса Лазаревича Гвоздикова, поражающего своими бицепсами, белозубой улыбкой и горящими, как светлячки, глазами, остро реагирующими на движущийся предмет в миниюбке. Но не в пуховом платке. Девочки школьницы возненавидели географичку за несправедливость, особенно это касалось школьных красавиц, к которым принадлежала моя подруга, расцветшая к двенадцати годам подобно реликтовому цветку. Катерина готовилась к каждому уроку так, будто это был решающий экзамен в ВУЗ, но получала только тройки. Надо признаться, что отличницами мы с Тюльпановой не были и не стремились ими стать, но в наших дневниках пятерки преобладали над четверками, троек не было и в помине. До тех пор, пока в наш класс не пришла Мымра Крысовна. Продвинутые родители Кати не журили дочь за «уды» по географии, но она сама злилась, однажды не выдержала и вступила в спор, за что получила красивенькую двоечку, плывущую по волнам строки с указанием нелюбимого предмета.

- Я пойду к директору! – возмущалась поверженная Тюльпанова по дороге домой. – Пусть он заставит Мымру исправить оценку!

- Не выйдет, он не станет ронять ее авторитет и убеждать нас в ее неправоте, - веско заметила я. – Надо ей красиво отомстить. Разыграть так искусно, что она сама из школы вприпрыжку убежит.

Кнопки на стульях, меловые аппликации остались в далеком прошлом. Мы договорились завтра выдать каждый свою версию, выбрать лучшую, на том и расстались у моего подъезда.

На следующий день я предложила написать географичке записку от имени физкультурника, где он ей назначит свидание, она принарядится, придет в назначенное время, но кроме учеников нашего класса, праздно разгуливающих на набережной, никого не увидит.

- Мы будем ходить парами и хихикать, - улыбаясь во весь рот, сказала я.

- И это заставит Мымру уйти из школы? – недоверчиво спросила Катерина.

- Почему, нет? – удивилась я, сменив улыбку на напряженное ожидание. На лице подруги просматривалась новая неординарная идея по жестокому розыгрышу Мымры Крысовой, на жалость к одинокой женщине давить не следовало: она успела досадить Тюльпановой до такой степени, что та забыла о чувстве снисхождения.

- Говоришь, написать ей записку от имени Дениса Лазаревича? – задумчиво протянула подруга и скоординировала свой план розыгрыша.

Для начала мы должны были изучить почерк Гвоздикова. Катька обладала способностью легко копировать чужую писанину. В то время мы еще не знали, что через пять лет нас примут с распростертыми объятиями на журфаке, а еще через пять мы станем дипломированными журналистами. В тот день мне впервые в голову закралась неприятная мысль, что закончим мы свою полную приключений жизнь в местах далеких от нашего зеленого, красивого и гостеприимного города.

Тюльпанова вчитывалась в фамилии учеников нашего класса, будто впервые их видела, и перед ней поставили нелегкую задачу – запомнить их в кратчайший срок. Она делала пометки в блокноте, затем сказала веское «ага» и призадумалась. Мы вместе выработали

текст послания, после чего Катя перешла к вдумчивой переработке собственных каракуль в еще более коряво-забористый почерк Дениса Лазаревича.

Когда записка была готова, мы поступили просто – вложили ее в журнал на странице с указанием урока географии, выискивая в расписании четкое следование предмета Мымры за уроком физкультуры.

Замотанная в платок Крысовна, не заметившая за окном наступление головокружительного мая, открыла журнал и увидела вложенный лист бумаги, развернула его и стала читать. Ее лицо напомнило рака, который минуту назад забавно шевелил лапками, а после попал в бурлящий рассол и стал краснеть на глазах, отчего его собственные пучеглазые очи выкатились еще сильнее.

Мы внимательно следили за бегающими глазками Мымры Крысовны и подрагивающим листом бумаги в ее синеватых руках. Она прочла текст несколько раз, словно не поняла его сразу, аккуратно свернула, приложила пальцы к губам, будто ощутила легкое прикосновение объекта страсти, зарделась еще больше, наконец, заметила беснующийся класс и с мягкой до невозможности и непривычности улыбкой произнесла.

- Ребята, какой урок у вас был перед географией?

- Физкультура, - нестройно протянули мы, чем окончательно убедили учительницу, что записка написана физруком.

В послании Денис Лазаревич, естественно, объяснялся в любви, но намекал на собственную нерешительность, поэтому инициатором пробуждения их отношений должна стать Марина Кирилловна. А чтобы их роман завернулся в надежный узел, она обязана пройти тестирование, поклонник не настаивает на этом, но чувствует, что женщина подавляет в себе энергию, способную не только преобразить ее, но и накрыть взрывной волной обоих и отместить другим поклонниц, которые сразу сообразят, что такая Решительная Индивидуальность им не соперница. Мымра должна была пройти три теста: на сообразительность, на смелость и на дерзость. Первый тест подразумевал внешнее преображение женщины, второй – всенародное признание в собственных чувствах, а третий – отчаянный поступок в присутствии многочисленных свидетелей.

Наше опасение вызывал тот факт, что географичка может отправиться к Гвоздикову за разъяснениями и испортить нам представление. Сначала она была несколько рассеянна, словно оставила в классе собственную оболочку, а душой улетела в спортивный зал, затем свела брови на переносице, что предполагало напряженную мыслительную работу, после которой складки на челе разгладились, и нам стало понятно, что тактика по пробуждению отношений и завязыванию их в тугую узел отработана.

В нашей школе стало традицией устраивать спортивные соревнования накануне всеми почитаемого Дня Победы. По окончании подводились итоги и вручались награды. Мы с Катериной всегда оставались за пьедесталом, не отличаясь особыми достижениями, тем более в день, когда все мысли сосредоточились в одном направлении: выгорит - не выгорит.

День выдался по-летнему жарким и душным. Было понятно, что погода взбунтуется и даст резкий разворот в обратную сторону. Но пока на небе зависло яркое солнце, давшее обещание держаться до конца.

В школе занятия отменили, и все преподаватели были задействованы в общем празднике, главным действующим лицом которого стала преобразившаяся Мымра. Она решила отнять от своего тридцатипятилетнего возраста ровно половину. Для этого нарядилась в короткие черные шортики, оголившие ее синюшные ноги с прожилками вен, розовый легкомысленный топик, под которым угадывался поролоновый лифчик, имеющий целью увеличить грудь на пару размеров, если учитывать, что она существует, но это не про Крысовну. Было заметно, что вчера женщина посетила салон красоты, где ей

накрутили замысловатую прическу, больше соответствующую свадебному наряду, но не тинейджерскому.

- Уже под венец собралась, - прошептала мне на ухо Тюльпанова, сдерживаясь от хохота. Смех разбирал не только меня и мою подругу, все ученики исподтишка похихикивали, учителя удивленно пялились и возмущенно покачивали головами.

Мымра несколько раз продефилировала мимо Гвоздикова, но тот внимания не обратил, из чего она заключила, что пора переходить в следующему тесту, который должен стать более удачным.

Когда завуч школы начал подводить итоги соревнований, называя фамилии победителей в микрофон, географичка протиснулась вперед, выждала паузу, вырвала рупор своего будущего позора и громогласно заявила, что любит Дениса Лазаревича, причем давно, и думала, что безответно, но к счастью ошибалась. Тот лишь развел руками и пожал выдающими плечами. Но женщина не остановилась на достигнутом, быстро преодолела расстояние, разделяющее их, и смачно приложила к устам мужчины, обхватив его лицо ладонями. Гвоздиков сначала замер от неожиданности, разведя руки в стороны, подобно готовому к бою петуху, а после взял ее за плечи и отодвинул от себя, приложив немалые усилия. Губы Мымры не хотели отрываться от сладких уст мужчины и продолжали тянуться к ним, сложившись в трубочку.

- Да что же это такое! – возмутился Денис Лазаревич, исполняя странный танец с дамой на вытянутых руках, упершихся в ее плечи. Крысовну не устраивало такое пионерское расстояние, и она попыталась его сократить до минимума, верчась ужом и сбрасывая захват с плеч. Мы с Катькой умирали со смеху, нам вторили ученики всей школы, чего не скажешь о педагогическом составе, включившимся в оборону физкультурника...

Наша вражда с географичкой закончилась ее капитуляцией. Думаю, она догадалась, кто был инициатором ее позора, потому что перед уходом Мымра подловила нас в коридоре и пообещала жестоко отомстить.

Не думайте, что я просто так решила вспомнить о детских каверзных поступках. Я готовлю вас к следующему этапу, где все вышеизложенное, по моему мнению, играет немаловажную роль. Но прежде я поделюсь еще одной историей.

Это было в прошлом году. Нам с Катериной в июне стукнуло по голове двадцатипятилетие, прямо бабахнуло со всей серьезностью, заставив подвести итоги бурной жизни. Для этого требовалась смена обстановки и свободное время. Мы оторвали неделю от отпуска и поехали в Абхазию. Не буду предаваться воспоминаниям, хотя, вспомнить было что. Мы так расслабились, что позабыли, с какой целью приехали. Нас окружали пальмы, манящее море, вкусные запахи, завистливые взгляды женщин и... строй мужчин, следовавший за нами, как рой пчел за миской меда.

Горячие абхазские джигиты нам стали докучать настолько, что мы решили себя обезопасить и завести романчик с парнями из Питера, давно намекающими на совместные прогулки. Курортный роман за собой ничего не несет, пофлиртывал, расстался и забыл. Сначала расставшаяся пара еще перезванивается, потом телефонное общение идет на убыль пока не сходит на нет. Лишь в редких случаях летний адюльтер круто меняет устоявшуюся жизнь. Или пытается сделать крутой вираж, если одна из половин сопротивляется. Мы с Катериной ничего менять не собирались, но ее новый поклонник со временем перешел к наступательным действиям. И не мудрено – на девушку с янтарными глазами и ореховым цветом волос, длинной до ягод, западал каждый мужчина, но не каждый решался подойти для знакомства, слишком отчужденным был ее взгляд, будто она пребывала одна в этом мире, закрывшись от всех непробиваемым прозрачным занавесом. Хотя, в первый прогулочный день Ростислав Пырлов сообщил, что этим летом собирается жениться на очаровательной девушке по имени Анфиса, намекая на непродолжительность увлечения и отрубая концы серьезных намерений, но

вскоре сам забыл о чувствах к невесте. Его настойчивость Тюльпанову насторожила, и она предложила мне «сматывать удочки», на что я бойко откликнулась, не желая терять подругу, которая может сменить место жительства, перебравшись в северную столицу. Я не переполнилась ревностью, не боялась остаться одна, я была уверена, и Катька мое мнение поддерживала, что время для замужества еще не наступило. Мы не желали становиться серьезными дамами, обремененными мужьями и детьми.

- Я полная идиотка, - вздохнула Катька, когда мы сели в вагон поезда, - зачем я дала его номер своего мобильного?!

- Смени номер и все дела, - попыталась я успокоить расстроенную подругу.

- Не могу, - отрезала она, не вдаваясь в объяснения.

- Не волнуйся, Ростислав скоро забудет о твоём существовании. Вернется домой, увидит Анфису, и все вернется на круги своя.

Но я ошибалась. Парень мучил Катерину звонками, признаниями и угрозами прибытия в наш город.

- Но он не знает, где мы живем, - напомнила я, мысленно похвалив себя и подругу за скрытность.

- Было бы желание, - пространно заметила Тюльпанова, растеряв свою бесшабашную веселость.

- Тогда надо что-то предпринять! – Мы переглянулись, я заметила намеки огня в ее глазах и поняла, что скоро Пырлову придется собственноручно удалить номер моей подруги из своего мобильного...

Для содействия был приглашен Фил Николашкин, фотокорреспондент журнала, в редакции которого мы работали. Предварительно с него было взято обещание о неразглашении. Ему было все равно, что и кого снимать, лишь бы заниматься любимым делом.

Поздним вечером мы пришли к Николашкину домой, где он устроил собственную студию. Фотосессия заняла половину ночи, мы устали, но остались довольны результатом.

Вскоре я позвонила Пырлову и поделилась ужасной новостью – Катьку убили на пороге собственного дома. Боясь мщения с его стороны, я тут же заявила, что человек, совершивший это преступление, уже задержан. И добавила, испугавшись предложения приехать на похороны.

- Тело Катерины кремировали, а прах развеяли над гладью Дона, о чем она неоднократно просила при жизни. Так что не придется тебе, Ростислав, поплакать на могиле и положить букет цветов.

В подтверждении своих слов я послала MMS, где отчетливо была видна изломанная в невиданной позе кукла с лицом подруги с... разлитым кетчупом на груди.

- Нехорошо это, - бурчала я, в который раз рассматривая работу Фила Николашкина. – Как бы беды не накликать.

- Что за предрассудки, - отмахнулась Тюльпанова, опьяненная запахом свободы.

- Вдруг Ростислав приедет в наш город и случайно встретится с тобой? Ведь, вся наша жизнь состоит из случайностей, - философски рассудила я.

- Я сделаю вид, что впервые его вижу, а ты подтвердишь, что я... сестра - близнец погибшей Катерины, - быстро нашлась она. – К тому же давно и счастливо замужем, - опередила подруга мои поползновения напомнить, что парень может перекинуться на ее «сестру».

Мне осталось отбросить предрассудки и забыть о существовании Ростислава Пырлова.

Итак, возвращаюсь в сегодняшнее время. Наступил день пробуждения от спячки, который мы решили отметить в небольшом ресторанчике, где собиралась журналистская

братия. Повеселившись, мы пешком отправились домой. Вдыхали пьянящий морозный воздух, ловили ртом легкие снежинки, дурачились и плыли на облаке счастья и беззаботности. Перед расставанием нам захотелось немного поболтать, и выбрали для пристанища наше любимое место – небольшую беседку, которая не могла нас согреть, но защищала от осадков. Время было позднее, поэтому двор встретил нас блаженной тишиной, даже резвившиеся каждый вечер подростки и те озябли и разошлись по теплым норкам. Я передернула плечами и взглянула на подругу, светящую в темноте ночи своей белой курточкой, купленной месяц назад. Мне хотелось домой, я продрогла, глаза слипались, а неприятный холодок в груди подсказывал – хватить бродить по улице в поисках приключений. Я намекнула Катьке, но та заявила, что желает поделиться со мной одним секретом, при этом вытащила из необъятной сумки фляжку с коньяком и сунула мне в руки.

- На, выпей, а то простынешь!

- Может, лучше по домам? - ныла я, бредя в полной темноте за подругой, уверенно лавирующей по тропинке, ведущий в наше уединенное место.

- Ты не хочешь услышать интересную историю?

- Хочу, но еще больше я хочу лечь в горячую ванну. – Моя нога на высоком каблуке поехала, и я едва не упала под голый куст сирени, но мне на помощь пришло нечто и сыграло роль упора. – Кать, у тебя есть фонарик? – Я знала, что у Тюльпановой всегда с собой есть набор разной ненужности, а иногда и нужности.

- Есть, а что случилось? – подруга успела отдалиться от меня на несколько шагов и теперь ее куртка маячила вдали, подобно парусу в море, над которым зависла темная дымка.

- Тут что-то лежит! – с опаской произнесла я, наклоняясь к заинтересовавшей меня куче.

- Ну, и пусть лежит, - отмахнулась Катерина, - может, это мусор? Ты хочешь покопаться?

– Я не ответила, настраивая свое зрение на работу в темноте.

Тюльпановой пришлось вернуться и включить фонарь, который нашелся в ее сумке. Луч выхватил ноги в высоких сапогах и короткую юбочку, затем сместился выше, и мы содрогнулись, заметив красное пятно, кляксой расплзшееся по белой куртке. Рука Кати дрогнула вместе с фонарем и прихватила верхнюю часть туловища. В эту минуту электрическое светило враз погасло и погрузило в нас в кромешную тьму, которая всегда наступает, после резкого погружения во мрак. Подруга защелкала кнопкой включения, фонарь снизошел и засиял направленным в кусты лучом. Я не выдержала, вырвала его из рук Катерины, изловчилась и направила свет на лежащее тело девушки.

Поза убитой, это было понятно сразу, напомнила мне фотографию Катерины, выполненную Филом Николашкиным в прошлом году.

Я наклонилась к телу девушки, желая убедиться, что это не Тюльпанова, уж, очень жизненная картина соответствовала тому искусственному снимку: та же поза с подвернутой под себя левой ногой, тот же легкий поворот головы. И лицо, прикрытое полосками аккуратно уложенных волос, сквозь которые виднелись безжизненные глаза.

- Да это же Варя! – в тишине ночи мой тихий голос грянул, как звон колокола.

- Варька Кузнецова, дочь Михаила Евграфовича? – не поверила подруга и присоединилась ко мне. – Точно, Варвара, - задыхнулась Катька и почему-то стала искать что-то в сумке, выудила оттуда мобильник и непонимающе уставилась на светящийся дисплей. – Маш, как в полицию позвонить, - растерялась она.

- 02, - быстро сообразила я...

Варвара родилась, когда нам было по восемь лет. До ее появления на свет Михаил успел свести в могилу свою мать и едва не вернулся на «куриный насест», как я мысленно нарекла тюремную камеру. Но ему удалось пройти свидетелем в деле ограбления магазина и вернуться к честной жизни. Действительно, после рождения дочери Кузнецов

изменился, устроился грузчиком в соседний супермаркет и подвел черту под рукоприкладством и ночными выступлениями. Девочку отец обожал, соседки утверждали, что она его точная копия, мы удивлялись такому сравнению, но после догадались, что так мальчик Миша выглядел в глубоком детстве, когда еще был паинькой.

Варька любила липнуть к нам с Катькой, поэтому лишний раз засиживаться во дворе нам не приходилось. С годами она выбрала Тюльпанову в роли эталона для подражания, отрастила волосы, перекрасилась, нагло передирала фасоны ее нарядов и стала копировать уверенную походку манекенщицы. Надо признать, что актрисой девушка была талантливейшей.

Поэтому нам пришла в голову одна и та же мысль – Варьку перепутали с Катериной! В связи с чем, мы решили провести собственное расследование, желая найти преступника и обезопасить Тюльпанову.

Спать нам, естественно, не хотелось, в душе бурлили эмоции после всех волнений, к которым подключилось и общение с полицейскими. Я позвонила родителям и предупредила, что переночую у Катерины. Это было частым явлением, отец сладко зевнул в трубку, напомнил, что завтра рабочий день и отключился.

- Молодец, что не сказала про Варвару, - похвалила меня Тюльпанова и почему-то обозрела свою белоснежную курточку, копию той, что была бессовестно испорчена преступником. - Вот же гад, - с чувством заявила она и шмыгнула носом. – Как у него рука поднялась на беззащитную девушку!

- Или у нее, - задумчиво произнесла я и поежилась, не так от пронизывающего холода, как от осознания – на месте Вари могла быть моя любимая подруга.

Катька заметила мое подергивание, взяла меня под руку и голосом заботливой матери проворковала.

- Пойдем домой, Машенька, я тебя напою горячим чаем.

От этих обыденных слов в носу зашипало, мысли вернулись на тропинку, где лежало тело соседки, которой уже все равно – тепло или холодно, лето на улице или зима, декабрь или апрель. Она не выйдет замуж, не станет матерью, и все потому, что какая-то сволочь посмела оборвать ее жизнь в самом начале, на пике восхождения во взрослость. Я вспомнила о родителях девушки, каково им услышать страшную новость.

- Бедный дядя Миша, - прошептала подруга, прочитав мои мысли. Она впервые назвала соседа «по-родственному», словно беда объединила нас в одну семью. – И тетя Вера, - добавила она, вспомнив про мать.

Когда полицейский отправился на квартиру Кузнецовых, мы с Катькой не сводили глаз с их светящихся окон. Дочь ждали, беспокоились, но вместо нее пришел человек с новостью, которая остановила плавное течение их жизни. Я сжалась, ожидая, что тишину двора разорвет материнский крик, но вместо этого появился Михаил Евграфович в спортивном костюме и тапочках, не обращая внимания на холод. Мы попятнулись, не желая показываться ему на глаза, будто были виновны в том, что первыми обнаружили тело его дочери. Вынести картину страданий человека, много повидавшего в жизни, нам удалось с трудом. Мы выдержали несколько минут, и спрятались в беседке, стараясь отключиться от уличных звуков. Вскоре показался один из полицейских, заметил наше состояние, переписал паспортные данные и великодушно отпустил.

Для начала мы дружно выпили валерьянки, потом Катька включила электрический чайник и устало опустилась на стул.

- Хорошо родители уехали в санаторий,- вздохнула она, - а то мать вопросами бы забросала.

- Я у тебя поживу, - уверено заявила я, отсекая споры.

- Охранять меня будешь? - невесело хмыкнула подруга, окинув потухшим взглядом мою хлипкую фигуру и острые плечи, выступающие из тонкого свитера.

Я не стала вступать в дискуссию и предлагать другие кандидатуры в качестве телохранителей, а предложила Тюльпановой отбросить эмоции и подумать.

Перебрав в уме всех недоброжелателей, на разных стадиях жизни грозивших нам расправой, мы составили короткий список, в который вошли: Пашка по кличке Нос, Верзила, чье имя осталось тайной, Мымра Крысовна, она же Марина Кирилловна Дворжак, Ростислав Пырлов, случайно узнавший об обмане и надумавший отомстить за страдания, и... Денис Лазаревич Гвоздилов. Пораскинув мозгами, мы подумали, что он так же может затаить обиду в связи с потерей авторитета, по которому ударила не без нашей помощи настырная географичка.

Мы не связывали убийство с профессиональной деятельностью, так как Катя писала статьи об археологических раскопках, коих развелось в округе, как комаров над стоячим водохранилищем, причем освещала свои очерки она вполне достоверно, не вставляя собственные выводы, способные расстроить ученых мужей. Поклонники на службе у Катьки были, но держались настороженно, с объяснениями не лезли, боязливо отвечивали комплименты и этим все ограничивалось. Поэтому переходить к каверзам ей не приходилось, в связи с этим врагами она не обросла, как затонувшее судно ракушками. Тюльпанова считала, что человек приходит на работу для пахоты, а не для адюльтеров и постоянных перекуров, которым сопутствует перемывание косточек коллегам. Она не выносила, когда навешивают ярлыки, собственное мнение оставляла при себе или делилась им только с доверенным лицом, коим была я, причем делала это за пределами редакции журнала...

Катерина предложила идти от простого к сложному и начать с Мымры и Гвоздилова. Я попыталась опротестовать.

- Для начала надо сходить к Валерке и спросить, не было ли подобных случаев в нашем городе? Может, действует серийный убийца, - предположила я, округлив от ужаса глаза и взлохматив свои короткие волосы, вставшие дыбом. Валерка был нашим другом и сыщиком в одном лице. Не частным, а на государственном довольствии, которое он время от времени поминал недобрый словом и грозился уйти в свободное плавание, способное поднять благосостояние его семьи из трех человек на заоблачные высоты. – Ты согласна с моим мнением?

- Ты похожа на испуганного ежика, - не к месту сказала подруга и ладонями заставила густую темную поросль склониться, как трава на поле после ливня.

Я дунула на челку, которая, по моему мнению, мешала лицезреть подругу, чье поведение меня беспокоило: ее постоянный союзник, душевный огонь, угас, будто внутри перекрыли газовый кран, движения сделались замедленными, ушли скорость и быстрота реакции, янтарные глаза сделались бесцветными, будто камень с берегов Балтийского моря заменили обычной серо-коричневой галькой. Даже голос стал бесцветным. Раньше я не понимала такого сочетания, теперь убедилась в существовании такого соседства.

- Кать, что у тебя болит? – Теперь я взяла на себя обязанности матери и лечащего врача.

- Ничего, - покачала она головой, - устала только.

Я приложила ладонь к ее голове.

- Холодная, - недоуменно заметила я, не поставив сразу диагноз. – Может, нужно давление померить? - Катерина пожалала плечами. Я быстро нашла тонометр, провела несложные действия и убедилась, что с таким давлением не то, что ходить невозможно, с такими показателями – 82/54 – человек стоит на пороге... В общем, остывает...

- Надо выпить крепкого кофе, - вспомнила Тюльпанова рекомендации матери – терапевта.

- И шоколадку слопать.

- Не-е, шоколада не хочу, меня и так подташнивает.

- А ты часом... не... - проблеяла я, спотыкнувшись на слове, которое должно последовать.

- Дурашка, ты Машка, - безучастно протянула подруга, сложила руки калачиком на столе и опустила на них голову.

- Пошли в кровать! – приказала я, - я тебе туда кофе подам.

- Здорово, - промямила Катька, - у меня появилась горничная.

Мы доковыляли до кровати, я помогла подруге раздеться и накрыла ее одеялом.

- Отдыхай, а я скоро вернусь.

Когда я вернулась с чашкой крепкого кофе в руках, Тюльпанова тихонечко сопела, я присела на край кровати, погладила ее по голове, осторожно всхлипнула и прошептала.

- Катька, я только сегодня поняла, как ты мне дорога. – Слезы ручьем устремились на новый свитер, особо настырные попали в чашку. Я сделала глоток обжигающего напитка и поняла, что маленькие радости жизни меня не покинули.

Когда кофе был выпит, маячившее желание положить голову на подушку безвозвратно ушло. Во мне кипела ненависть, мозги работали слаженно, что сподвигло на логические умозаключения. Но перед этим я набралась наглости и позвонила другу Валерке, чья фамилия была Лизонькин. Вы будете смеяться, но жену сыщика звали Елизавета. Сердцу, как говорит известная мудрость, не прикажешь, пришлось Валерику выбрать в жену девицу Крынкину, которая с удовольствием стала Лизонькиной.

Я ожидала услышать заспанный голос приятеля, но он бойко рявкнул.

- Майор Лизонькин!

- Можно подумать, по твоему мобильнику мог ответить капитан Маринкин, - сыронизировала я и порадовалась, что чувство юмора меня так же не покинуло.

- Конечно, кто может мне звонить посередине ночи, как не Машка с Катькой! – весело пробурчал он. Наше единение с подругой заставило мою душу затрепетать, ком подкатил к горлу, а слезы не заставили себя упрашивать.- Маш, что случилось? – подобрался Валерка, удивившись смене моего настроения, которую он почувствовал на расстоянии.

- Валерик, тут такое произошло, - прогундосила я, растирая влагу по щекам.

Я все выложила приятелю, который не спал мертвецким сном в своей кровати, а нес службу, которая не взирает на время и желания. После изложения я четко сформулировала задачу, на что Валерка сразу заявил, что серий в городе нет, и три раза плюнул, что меня убедило в наличие предрассудков даже у таких ребят.

- Значит так, - веско заявил Лизонькин, - часов в восемь утра я буду у вас! И никакой самодеятельности.

- Но нам надо в редакцию, - ненастойчиво напомнила я.

- Возьмите отгул!..

Я предполагала, что Валерка придет для «пережевывания» обстоятельств ночного происшествия, но он заявился в условленное время с козырями на руках. Я знала, что он – человек действия, но не думала о наличии скорости болида Формулы-1.

- Значит так, - произнес Лизонькин излюбленное сочетание, поглядывая на скворчащую яичницу, приготовленную к его приходу, и ловя ноздрями кофейный аромат, повисший на кухне. – Я кое-что успел узнать...

- Валерик, сначала завтрак! - перебила я его. Упрашивать долго не пришлось. Я с удовольствием наблюдала, как четыре яйца и колбаса исчезают с тарелки. – А где Катерина? – спросил он с набитым ртом.

- Она лежит. Хотела встать, но голова закружилась, едва не упала.

Только я произнесла, как в дверях показалась осунувшаяся Тюльпанова с темными кругами под глазами.

- Красота неопишемая, - покачал головой Лизонькин.

- А то, - парировала тихим голосом подруга и опустила на стул. - Валерка, ты узнал что-нибудь? – Катерина была осведомлена о наших телефонных переговорах.
- Ох, и повезло вам, девоньки, - самодовольно произнес приятель. – Чуть что, сразу вызываете скорую помощь в моем распрекрасном лице. – Он создал круговорот в конфектнице, выискивая еще один «Чернослив в шоколаде», первый благодатно принял желудок и попросил повтора. – Черт меня дернул энное количество лет назад усадить эту пигалицу себе на плечо! - он кивнул в мою сторону, - она затрезвонила в колокольчик, призывая всех учеников в объятия школы, а меня заставила взять шефство над ней и ее сиамской сестрой, причем оно, то бишь шефство с восседанием теперь уже на шее, продолжается до сей поры!
- Никто тебя не заставлял, - хмыкнула я, сам шею подставил.
- Все моя доброта виновата. И любовь к вам обеим, - поохал Валерка, - да если бы не я...
- Бюст на родине сейчас будем заказывать, или повременим? - перебила я.
- Повременим, - здраво рассудил Лизонькин.
- Катерина в нашей игре в бадминтон, где воланчиком служили острые реплики, участие не принимала, будто находилась не просто за пределами спортивной площадки, а на другой планете. Я пожалела, что перебила боевой настрой друга и накормила завтраком, отодвинув на второй план принесенные новости. Валерик заметил мое насупленное лицо, отрешенный взгляд Тюльпановой и сменил игривый тон на деловой.
- Начнем с Мымры и физкультурника, - сказал он, отодвинув от себя ополовиненную конфектницу. Катька ожила и ощупала взглядом нашу компанию, словно только заметила.
- Марина Кирилловна Дворжак вышла замуж и носит фамилию... - Валерий выдержал театральную паузу, в которую вклинилась сообразительная подруга.
- Гвоздикова, - ляпнула она и заслужила аплодисменты сыщика.
- Неужели? – удивилась я. – Наверное, это другой Гвоздиков, однофамилец нашего Дениса Лазаревича?
- А вот и не однофамилец! – радостно воскликнул Валерка, будто сыграл в создании новой семьи главную роль. – Когда вы разыграли географичку?
- Нам было по двенадцать, значит, прошло четырнадцать лет, - быстро просчитала я.
- У четы уже две детей, мальчику скоро тринадцать, а девочке – десять.
- Из чего мы можем заключить, что они поженились вскоре после того случая, - облегченно вздохнула Катерина, мысленно вычеркивая Мымру и Говздикова из черного списка.
- Далее, - побарабанил пальцами по столу майор, - переходим к Пашке Носу.
- Неужели тебе удалось его найти по скудному рассказу? – утро удивлений достигло максимальных высот и на этом останавливаться не собиралось.
- А то, - передразнил он подругу, чем вызвал ее робкую улыбку. – Эх, вы, журналистки, - облил ушатом профнепригодности друг. – Физиономия депутата Павла Александровича Носова не сходит со страниц газет и журналов!
- Пашка Нос – депутат местного Законодательного Собрания?! – дружным дуэтом воспели мы. - Но как ты узнал, что это один и тот же человек?
- Сначала логически поразмыслил, потом вспомнил о некоем депутате Носове, чья фамилия напоминает детскую кличку, покопался в интернете, прочел его интервью, где он трубит о своем тяжелом детстве, когда был беспризорником. Однажды его взяли с поличным, Пашка оказался в колонии для несовершеннолетних, времени для обдумывания хватило сполна, в результате чего он вышел на свободу не только с чистой совестью, но и обновленной личностью. – Лизонькин взял в руки портфель, который терпеливо ждал хозяина возле ножки стула, вытащил из него газету и сунул нам под нос.
- Ну, узнаете? – процедил он голосом следователя, проводившего очную ставку.
- Слушай, он совсем не изменился, - протянула я.

- Изменился! – заспорила Катька, - тогда он был зачуханным крепышом, а сейчас лощеный фронт... Но привычка держать голову чуть на бок, осталась. У Пашки была такая большая голова, что я еще подумала, будто шея не справляется с ее тяжестью.
- Ну, надо же, - продолжала удивляться я, - мы его видели всего ничего, но Нос в память так врубился, будто на всю жизнь шрам от... ножика на теле оставил. - Иной раз знаком с человеком много лет, а детально описать его не можешь.
- Вы же не художники, чтобы тонкости улавливать, - успокоил всезнайка.
- Но Пашку мы запомнили, - угрюмо буркнула Тюльпанова.
- Наверное, на то была причина. Детские воспоминания выборочны. – Валерий спрятал в портфель газету и достал фотографию мужчины. – Узнаете? – снова спросил он.
- Это... Верзила, - прошелестела я, переполнившись чувствами до краев. – Он тогда был на цыганенка похож, а еще вспомнила фильм про «Неуловимых...» Думаю, ему бы еще в ухо серьгу и вылитый мститель.
- Точно! – подтвердила Катерина. – У него глаза были, как спелые вишни, и взгляд завораживал... Но откуда у тебя эта фотография?
- Не важно, - отмахнулся гениальный сыщик. – Скажу одно – вышел я на него благодаря Носову. Он рассказывал журналистам, какой он прекрасный семьянин, надежный друг и упомянул приятеля, которому вовремя протянул руку помощи, когда тот стоял у обрыва... Надо сказать, ваш бывший знакомец обожает высокопарные выражения. В том интервью проскользнула фраза - мы вместе бродяжничали. Найти фотографию Матвея Копницкого оказалось делом техники.
- Верзилу зовут Матвей Копницкий? – недоверчиво спросила Тюльпанова, которая ожидала переплетения клички и фамилии.
- Матвей Копницкий, он же Верзила, он же бизнесмен, он же отличный семьянин и приятель Носова. – кивнул Валерка на фотографию мужчины.
- Чем он занимается? – на всякий случай поинтересовалась я, не желая, чтобы наши линии жизни пересеклись.
- К археологии он не имеет отношения, и не меценатствует, спонсируя постановки наших театров. – Лизонькин устремил глаз-буравчик на меня, намекая на мои журналистские пристрастия. Я писала статьи о театральном новинках, с боями брала интервью у наших известных актеров и актрис, чрезвычайно капризных и недоступных.
- Ладно, проехали! – еще на йоту повеселела подруга, враз вычеркнул еще два имени из списка предполагаемых преступников.
- Но я не прислушалась и вернулась к компании беспризорников.
- А Петюня с Фификом не могли совершить убийство Варвары?
- Они были малы и забыли о нашем существовании на следующий день после расставания, - подвела черту Тюльпанова. – Валерочка, - просюсюкала поклонница гениального сыщика, ты навел справки о Ростиславе Пырлове?
- Я связался с коллегами из Питера. – многозначительно произнес Лизонькин, заставив душу сместиться в пятки, руки похолодеть, а сердце отчаянно забиться в зашкаливающем ритме.
- Не томи! – я посмотрела на приятеля с негодованием, позабыв на время о былых заслугах.
- Ростислав Пырлов год назад женился, на вчерашний вечер у него есть алиби – он присутствовал при родах своей жены Анфисы.
- И кто у них родился? – нахмурилась я, почему-то не доверяя достоверности этой информации. Я считала, что Пырлов после «гибели» Катерины должен забыть о радостях жизни и уйти в монастырь. Но, как оказалось, все проходит и забывается, не только ненависть, но и болезненная любовь.

- Девочка, - ошарашено сказал сыщик, заметив недоверие на моем лице. – Машка, ты заканчивай! – рубанул он.
- С чем? – вскинула я брови.
- Сама знаешь, - начал закипать он. – Если не веришь, но сама позвони в Питер и спроси.
- Позвоню и спрошу! – заупрямилась я.
- Маш, ты чего? – попыталась получить объяснение подруга.
- Я разуверилась в любви! – отчеканила я.
- Из-за того, что Пырлов женился на своей Анфисе? – не поверила Катька. – Ты думала, он станет отшельником, уедет на необитаемый остров, построит хижину и станет в ней жить, каждый вечер усаживаясь перед моим портретом и рассказывая о прожитом дне?
- Но он уверял, что жить без тебя не может!
- А ты поверила? – Тюльпанова окинула меня заботливым материнским взором, будто выискивала источник болезни, сказавшийся на моем мышлении. Я не удостоила ее ответом. – Если бы я поверила этой чуши, то не стала бы разыгрывать Ростислава! Вдруг моя смерть подействовала на него, как призыв к самоликвидации.
- Отчаянные вы сорвиголовы, - пожурил приятель, - сколько раз я напоминал, что жестокость порождает ответную жестокость.
- Надо иметь чувство юмора! – тотчас нашлась я.
- А если бы тебя выставили на всеобщее посмешище, тебе было бы весело?
- Не посмели бы! – заступилась за нас обеих Катерина.
- Может, и посмели бы, но исподтишка.
- Мы разом приуныли, вспомнив про Варвару Кузнецову.
- Или кто-то пожелал предотвратить удар дамочкова меча, зависший над его головой. – продолжил майор, - давайте, барышни, вспоминайте, для кого написан следующий сценарий язвительной комедии?
- Ни для кого! – заявили мы и замотали отрицательно головами, вспомнив детсадовское время.
- Не верю! – рывкнул Валерка.
- Тоже мне, Станиславский, - пробубнила я себе под нос, и стала собирать посуду со стола.
- Сейчас обижусь и уйду! – с вызовом пообещал Лизонькин.
- Валерик, не обращай на нее внимания, - подруга встала на сторону приятеля и огрела меня уничижительным взглядом. – Я сейчас подумала: а вдруг Варю не перепутали со мной? Я не берусь утверждать, что целились именно в нашу соседку, которая надумала стать моим двойником.
- Ты хочешь сказать, что Кузнецову убил отморозок, позарившийся на ее тощий кошелек? Но это маловероятно...
- Почему? На белом свете достаточно уродов, которые убьют на копейку. – Она повернулась к притихшему сыщику и еле ворочая языком спросила, будто сама боялась произнести эту фразу. – Девушку... изнасиловали?
- Следов сексуального насилия нет, деньги и немногочисленные ценности – сережки и колечко - на месте.
- Значит, не ограбление, - заключила я.
- Меня удивляет другое, - затараторила подруга, – почему Варя оказалась на улице в такое позднее время? – Я слышала, как медик сказал, что смерть девушки наступила менее часа назад. Из чего следует, что соседка была во дворе в начале двенадцатого.
- Хочу напомнить, что Кузнецовой исполнилось восемнадцать лет, - встрял Лизонькин.
- Ты ее папашу не знаешь! – хмыкнула я, позабыв про недавнюю размолвку. – У него шаг влево, шаг вправо – расстрел! Михаил Евграфович оберегал дочь от разного нехорошего

люда, который сыграл в его жизни значительную роль и превратил маменькиного сынка в преступный элемент.

- Такое бывает от чрезмерной опеки, - философски рассудил майор. – Но ваш Михаил Евграфович этого не понял и пошел по пути своей властолюбивой мамы.

Валерка навесил на физиономию загадочную мину, из чего мы сделали вывод, что кое-какая информация засела в нем, подобно застрявшему листу бумаги в испорченном принтере, и не желает вылезать.

- Катька, и этого человека я хотела напоить чаем с мятой, - вздохнула я, зная его пристрастия.

- За чай с мятой я звездочку с погон отдам!

- Я станешь генералом? – оторопела Катерина.

- Деревня гражданская, - скривился служака-парень, - у генерал-майора одна большая звезда, а у меня две средние.

- А то я не знаю, - передернула плечиками находчивая Тюльпанова, - просто хотела тебе польстить.

- Подлиза, - величественно выдал полумайор- полугенерал и потребовал чаю с мятой.

Когда кружка появилась на столе, он с котovým умилением на лице вдохнул аромат и, между прочим, сказал.

- Вчера Варвара Кузнецова была на дне рождения своей подруги, с которой она вместе учится в колледже. Отец созвонился с дочерью и предлагал встретить ее у дома именинницы, она живет за несколько кварталов от вашего дома...

- Наверное, это Люська, - предположила я, решив показать свою осведомленность, получила подзатыльник от Катьки и смолкла.

- Но девушка заявила, что ее проводит сокурсник, - закончил Валерка прерванную фразу, неторопливо достал из портфеля блокнот, неторопливо полистал его и прочел, - Егор Шкуратов.

- Впервые слышу, - не выдержала я. Тюльпанова не отреагировала на мой всплеск, погрузившись в собственные думы.

- Согласно его утверждениям, - продолжил Лизонькин, - он проводил девушку до дома, она уговорила его посидеть в беседке...

- А он упирался руками и ногами, - съязвила я.

- Егор занимается боксом, у него строгий режим, - парировал майор. – Но Варя ему нравилась, и он согласился.

- Они повздорили, и парень ушел, оставив девушку одну, - догадалась Катерина.

- Варвара приревновала кавалера к Людмиле, Егор устал объясняться, развернулся и покинул беседку, а Варвара выкурила две сигареты...

- Варька курила? - недоверчиво спросила я, наслышанная о воспитательных мерах ее отца. – Дядя Миша был похлеще таможенного досмотра, он у дочери карманы проверял и содержимое сумки перетряхивал. – Об этом обстоятельстве знал весь двор, поэтому Тюльпанова утвердительно кивнула, подтвердив мои слова.

- Может, у нее тайник в подъезде был. Или в той же беседке, - предположил Лизонькин.

- А почему вы решили, что Варька задержалась в беседке после ухода Егора? – поинтересовалась подруга, обобщив приятеля с коллегами, от которых тот почерпнул информацию.

- Я говорил, что парень занимается спортом, поэтому не склонен к вредным привычкам, и не выносит, когда в его присутствии курит девушка, к которой он благоволит.

- Откуда вы взяли, что окурки в беседке принадлежат Кузнецовой? – не унималась Тюльпанова.

- Сигареты этой марки нашли в ее сумочке, а на окурках, брошенных в беседке, по утверждению эксперта остались следы ее помады.

- Следовательно, тайник был в подъезде, - с умным видом заметила я, - иначе пачки сигарет в сумке не было, ведь, Варька шла из беседки домой.
- Девочки, мне кажется, вас несет не в ту сторону, - заметил сыщик.
- Это на первый взгляд кажется, что не в ту, а на самом деле малюсенькая деталь, выпавшая из внимания полицейских, укажет нам правильное направление.
- Вам? – вспыхнул Валерка. – Предоставьте это дело профессионалам!
- Никто не спорит, - высказалась я и сделала удивленное лицо.
- Если бы я не знал тебя, Машка, как себя, то поверил, а так... Я сажаю вас обоих под домашний арест!
- Ой, как страшно, ой, боюсь, - запричитала я и закатила глаза.
- Забоишься, когда... - он выдохнул и спекся, не желая продолжать убийственную тираду, смысл которой до меня быстро дошел.
- Но мне давно пора статью сдавать, - попыталась урезонить разъяренного льва Катерина.
- Когда дело закроют, тогда и сдашь! - прогремел глас майора.
- Это нам придется год носа из дома не казать, - обреченно вздохнула я.
- Это намек на плохую работу правоохранительных органов? – надо мной нависла туча.
- Ни боже мой, - задрожала я, - так ляпнула, не подумавши.
- Судебное решение объявлено и обжалованию не подлежит! – выдал Лизонькин, собрал по дому все ключи, разрешил приложиться губами к небритой щеке, принял слова благодарности за полученную в кратчайший срок информацию, забрал портфель и ушел, не забыв закрыть дверь на все замки...

После ухода Валерки я позвонила в родную редакцию и доверительно сообщила главному, что мы с Катериной заболели... ветрянкой. И теперь сидим на карантине (что было правдой), не желая подвергать сотрудников журнала вирусному заболеванию. На что начальство заявило, что само перенесло данный недуг в глубоком детстве и ходило все в зеленую крапинку, затем пожелало нам скорейшего выздоровления и возвращения в дружные ряды редакции. Я заверила, что статьи будут отправлены в срок по электронной почте. Уже на излете расставания, я невзначай высказала просьбу.

- Вы не говорите, чем мы больны, а то, как-то неловко подхватить детскую болезнь.
- Неловко подхватить взрослую болезнь, - быстро отреагировал главный, - но если вам так нужно...
- И еще, - совсем обнаглела я, перейдя границу дозволенного, - если нами будут интересоваться, то... скажите, будто мы... пропали.
- Как это пропали?.. Мария, мне кажется или ты что-то скрываешь?

И этому что-то кажется, - подумала я, вспомнив майора Лизонькина.

- Понимаете, я недавно познакомилась с молодым человеком, положительным во всех отношениях, и сказала, кем и где работаю. Думаю, он станет меня разыскивать, а я не могу предстать перед ним божьей коровкой.
- У божьей коровки черные пятнышки, - напомнил начальник. В его голосе сквозило холодное недовольство. К нам с Катериной он относился по-отечески ревниво, поэтому появление какого-то франта, покусившегося на меня, его раздражало и возмущало.
- Я Вас с ним обязательно познакомлю, - прощепетала я, - Вашим мнением я чрезвычайно дорожу! – Тюльпанова находилась на грани обморока: сначала она каталась по дивану, прижав к животу подушку, будто у нее случился приступ гастрита, а после начала дрыгать ногами, как подраненный жук, и заливаться сдавленным смехом, который ее душил и стремился наружу.

Когда переговоры подошли к логическому завершению, я взяла с дивана свободную от терзаний подушку и стукнула подругу по голове.

- Катька, зараза, ты чуть все не испортила!

- Это же надо, как мы умеем мягко стелить! – ее веселье стало сходить на нет, лишь отдельные смешки прорывались сквозь строй слов. Потом она разом скисла, вернувшись к нерадостной действительности.
- На лицо резкие перепады настроения, это начало душевного расстройства, - констатировала я и уверенно протянула ей стакан с водой, словно это было новомодным средством от всех болезней.
- Что мы будем делать? – спросила Тюльпанова, придя в себя.
- А ты не додумалась ключики припрятать?
- Валерка не дурак, его не обманешь: на семью из трех человек у нас четыре комплекта ключей, один запасной... И как-то неудобно было: он столько сделал для нас, причем за такой короткий срок.
- А мне так хотелось поискать Варькин тайник! – мечтательно протянула я, словно в этом месте девушка хранила небывалой красоты ценности.
- Думаешь, она сделала себе хакари, а перед этим оставила в тайнике записку с объяснением причины и указанием человека, который стал косвенным толчком?
- Шутишь? – скривилась я. – Мне просто хочется найти тайник и все! Может, захотелось лучше узнать Варвару, пусть после ее смерти. Мы всегда избегали ее, жили по соседству, а почти не знали.
- Если так упорствуешь, то я могу предположить, что от версии с подменой ты отказываешься?
- Отказываюсь, - неуверенно пролепетала я, - или занимаюсь самообманом.
- Скорее самообманом, - торопливо сказала подруга, - недаром ты просила главного молчать, как рыба.
- Я, молча, изучала лицо Катерины, будто, она на самом деле подхватила ветрянку и теперь я прикидывала, как будут смотреться зеленые отметины на ее прекрасной физиономии.
- Что-то не так? – забеспокоилась она и подбежала к зеркалу для визуального контроля. – Да, темные круги под глазами присутствуют...
- Там может быть записка, - внятно произнесла я с отчаянной напористостью, присущей душевнобольным, одержимым маниакальной идеей.
- Где? - Тюльпанова повернулась в мою сторону.
- В тайнике! Представь... - воодушевилась я, родившимся озарением, - что наша соседка познакомилась с мужчиной, тот назначил ей свидание...
- В письменном виде, - перебила меня Катя и усмехнулась, - если он хотел назначить ей свидание, то просто позвонил бы по мобильнику! Они не секретные агенты на вражеской территории, чтобы оставлять сведения в условленном месте.
- А вдруг об этом узнал дядя Миша? – нашлась я. – Предположим, звонок от мужчины раздался, когда девушка была дома, любопытный отец включил уши-радары на прием, скумекал что к чему и принял меры.
- Такое возможно, но твои предположения о существовании записки, звучат бредово...
- Но желание найти тайник затмило все остальные! - продолжала упорствовать я.
- Увы, у меня нет парашюта, с помощью которого ты смогла спуститься с четвертого этажа, подходящего каната тоже, связывать простыни я не желаю! И ты не Мери Поппинс, летать с зонтиком не умеешь, так что сиди дома и пиши статью! – выпалила на одном дыхании подруга, быстро перечислив все возможные способы эвакуации.
- Я – натура творческая, - заметила я, ткнув в грудь наманикюренным пальчиком, - пишу только тогда, когда муза посетит!
- Я ей сейчас позвоню!
- Лучше позвони соседям по лоджии и попроси политического убежища.

- Ты сбрендила?! – взмутилась Катька, - точно шифер с крыши медленно сползает! Хочешь, чтобы я собирала твои мозги на асфальте?

- Ты забыла, что мы с тобой посещали секцию альпинизма?

- Ага, три дня, - хмыкнула она, - или четыре, уже не помню. Но альпинизм – это не рискованный переход с одной лоджии на другую без страховки!

- Катерина, не перечь мне, лучше позвони соседям и узнай, дома они или нет. Пусть выпустят меня через свою дверь! - произнесла я тоном, не терпящим возражений. – К тому мне надо заскочить домой, взять вещи и поговорить с родителями...

Все прошло без приключений. В итоге я попала в собственный подъезд, перекрыв собственный рекорд по бегу в зимнее время в легком костюме, нашла запасные ключи от квартиры Тюльпановых, о которых они благополучно забыли. Порылась в собственном шкафу, не соображая, на чем остановиться, потом решила не брать летние сарафаны, надеясь, что убийство Кузнецовой раскроют в ближайшем будущем, выложила все матери, устав от лживых нагромождений, и вернулась в квартиру подруги, которая металась по прихожей, как раненый зверь по клетке.

- Слава богу! – воскликнула она, заключив меня в объятия, будто мы не виделись, по меньшей мере, пару лет. Она так обрадовалась, что ни сразу сообразила, что мое возвращение произошло традиционным путем – через входную дверь. – Я про них совсем забыла, - сказала Катерина, заметив связку ключей в моем кулаке.

- Катюша, тебе придется еще некоторое время побыть одной! Я иду на поиски тайника Варвары!

- Да, брось ты эту глупую затею, - запричитала Тюльпанова.

- Ты меня так отговариваешь, словно Кузнецова в нем держала на тебя компромат, - в сердцах заявила я.

- Знаешь что, - задыхнулась от возмущения Катька, - иди и ищи свой тайник, если тебе неймется.

Сначала я поднялась на этаж выше, где находилась квартира Кузнецовых, приложилась к двери и послушала тягостную тишину. После обследовала коврик, под которым, кроме ошметков грязи ничего не было, и перешла к окну, расположенному между этажами.

Где в старорежимное время устраивали тайники? Правильно, под подоконником!

Я присела на корточки и приступила к изучению. В одном месте была видна дуговая трещина, вокруг которой настенная краска стерлась, что свидетельствовало о том, что кто-то частенько вынимал отколовшийся кусок из стены. Причем выполнить ювелирную работу можно было, вставив между подоконником и стеной, тонкий предмет, которым может служить пилочка для ногтей. Я мотнулась назад, потребовала у Катки маникюрный набор и хотела ее замкнуть, но она выпорхнула вслед за мной. Пререкаться времени не было, мне оставалось принять ее общество, но дверь мы по обоюдному согласию решили не закрывать, чтобы в случае опасности не заморачиваться с замками.

Я легко справилась с задачей. Отколовшийся кусок стены был заботливо откромсан, чтобы получился тайник, где можно хранить пачку сигарет, презервативы (ох, уж, эта молодежь!), несколько тысячных купюр, свернутых в трубочку и перетянутых резинкой и свернутый пополам почтовый конверт без указания адресата и отправителя.

Он был не заклеен, я вторглась в нутро, вытащила маленький клочок бумаги, на котором размашистым почерком были написаны одиннадцать цифр и имя Коля.

- Это номер мобильного, - догадалась не в меру сообразительная Тюльпанова.

- А Коля – мужское имя, и номер принадлежит ему, - хмыкнула я, пресекая передачу лаврового венка, который должен висеть на моей шее.

Катерина не обратила внимания на ерничество и спросила.

- Тебя не резануло укороченное имя? По мне бы, надо подписаться Николай. А от «Коли» веет лесоповалом.

- Лесоповалом веет от «Коляна», - помедлив, хмуро заметила я, уловив тонкость понимания моей подруги.

Честно говоря, меня тоже резануло это подпись. Сейчас даже несмышлениши представляются полным именем, я не имею в виду дошкольников и учеников младших классов, когда все они Коли, Васи, Пети...

- Надо позвонить этому Николаю, передать привет от Вари и проверить его реакцию! - продолжала умничать Тюльпанова.

- А он ответит, какой привет? Я ее вчера убил! Вы что, девочки, посланцы с того света? - ехидно заметила я.

- А мы подтвердим и скажем, что ему лучше явиться с повинной, иначе... мы унесем в ад и зажарим на костре!

- Зашибентос, какое гениальное предложение! - вспыхнула я. - И, вообще, чего мы торчим на лестнице? Вдруг Варьку все же перепутали с тобой, убийца узнал об этом и ждет подходящего случая, чтобы исправить ошибку.

В этот момент внизу хлопнула входная дверь и послужила нам сигналом к испарению. Я заперлась на все замки, но не ушла, а стала прислушиваться к осторожным шагам на лестнице. Мое сердце отзывалось ритмичными ударами, сливаясь в унисон с шествием по подъезду. Катька присоединилась ко мне, зажав губу от напряжения и намотав невиданной длины косу себе на руку. Шаги замерли на нашей лестничной клетке. Я успела прильнуть к глазку, загородив его от внутреннего света и желая узнать, кто топчется по ту сторону двери.

- Кто там? - прошептала громким шепот подруга откуда-то снизу, увидела мой невзрачный кулачок и на время притихла. Время ограничилось несколькими секундами, после чего она продолжила словесный натиск. - Маш, ну, кто там?

Перед тем, как оторваться от глазка, я прикрыла его ладонью и прошипела.

- Это Николашкин. С цветами и при костюме.

- Он пришел делать мне предложение? - едва слышно спросила Катерина и попыталась оттеснить меня от заветной цели, позволяющей лицезреть внешний мир.

Я приложила палец к губам и махнула на нее рукой, мол, не мешай, и возвратилась к наблюдению.

Фил продолжал стоять в той же позе статуи, которая видит лишь небывалое сооружение в своей руке, то бишь букет из обычных гвоздик, больше сопутствующих празднованию позабытого Великого Октября, но не сватовства. Отличие с революционным цветком было в необычной бордовости гвоздик, поэтому они походили на искусственные. Фотограф-профессионал, наконец, ожил, перемесился к двери и требовательно надавил на кнопку звонка. Катька. Не ожидавшая звукового нападения подруга, от испуга распласталась на полу, чем меня невероятно развеселила. Фил приложил ухо с обратной стороны двери, чем так же поднял мой веселый настрой до максимума. Я представила, как мы смотримся со стороны: два взрослых человека занимаются неприглядным делом - один подслушивает, другой - подглядывает, но первый не догадывается, то второй стоит совсем близко и их разделяет надежная дверь. Не уловив намека на движение, Фил повторил действие, потоптался на месте, развернулся и ушел.

- Может, его прислала обеспокоенная общественность? - предположила Тюльпанова. - Вдруг главный не сдержал данного слова и проболтался о ветрянке? Все единогласно выбрали кандидатуру Николашкина, как приобретшего на вирус иммунитет! А он взял и согласился, из любопытства - захотелось запечатлеть нас в неприглядном виде.

- Мне показалось или у него, действительно, не было привычной сумочки с фотокамерой? - задумчиво произнесла я.

- Этого не может быть, мне иногда кажется, что он с ней в душе не расстается!

- Тогда даю второй вопрос на засыпку! Ты приходишь проведать больную женщину, что приносишь с собой?

- Цветы, фрукты, сок, - пробубнила, как заклинание Катерина.

- А у него ничего, кроме цветов не было! – со злостью заявила я. Злость не относилась к Николашкину, который был «не от мира сего», я не могла ухватить за хвост догадку, которая бродила рядом и в последний момент выскальзывала.

- Да, ну его, этого Фила, - встrepенулась подруга, - давай позвоним Николаю, Коле, - поправилась она, словно это были два разных имени, и стала искать свой мобильник. – Ой, батарея села, а я думаю, почему Николашкин заявился без предварительного звонка.

- Сейчас подключишь к зарядному устройству, и мобильник сообщит, кто тебе пытался дозвониться, - с умным видом сказала я.

- Мама звонила два раза и все... - монотонным голосом произнесла она, рассматривая оживший дисплей, потом стала набирать цифры, сверяясь с запиской.

- Включи громкую связь, - попросила я, Катерина кивнула и сразу произнесла, услышав чужой голос в трубке. – Здравствуйте, я звоню по поручения Варвары Кузнецовой.

- Да сколько можно! – возмутился молодой мужчина и хотел отключиться, но Тюльпанова опередила.

- Подождите, Варя... погибла, она перед смертью просила передать, что... любит Вас!

Я вскинула домиком брови, удивляясь речивости своей подруги.

- Мне очень жаль, - безучастно заметил он, будто я сообщила о потере набойки с любимых туфель Кузнецовой. Затем он понял, что был некорректен и пояснил, - я Варвару плохо знал.

- А Вы чем занимаетесь и как познакомились? – не отставала Тюльпанова, сообразившая, что смерть девушки дает ей на это право.

- Я актер Молодежного театра, месяца три назад Варвара пришла на спектакль вместе с друзьями, ее потрясла моя игра...

Я дернула подругу за рукав футболки, та повернулась, прочла по губам мою просьбу и понимающе кивнула. Между тем служитель Мельпомены успел рассказать, что Кузнецова стала его надоедливой поклонницей...

- Так извела, что вы подумали: А не избавиться ли от девушки раз и навсегда, освободившись от притязаний?

- Значит, ее убили, - спокойным тоном сказал Николай, не отреагировав на выпад Катерины. – Я могу узнать, когда это произошло?

- Вчера вечером, между одиннадцатью и полуночью.

- Тогда я Вас разочарую – вчера у меня был день рождения, после спектакля мы решили отметить, закончилось празднование далеко за полночь.

Я снова попыталась обратить внимание подруги на себя.

- Николай, могу я узнать Вашу фамилию, а то Варвара держала ее в секрете? – наконец, после намеков Катяка выполнила мою просьбу.

- Скворцов. Николай Скворцов. – Тюльпанова вопросительно уставилась на меня, а мне оставалось лишь кивнуть – я хорошо знала этого актера, даже держала в памяти телефона его номер, потому как несколько раз брала у него интервью после премьер, где он играл главные роли. Теперь я потыкала кнопки и сличила цифры на обрывке бумаги с имеющимся у меня номером Скворцова...

Только мы собрались отобедать, как в замочной скважине зашерудили ключом.

- Опять Лизонькин, и как всегда к обеду! – усмехнулась я и поставила на стол еще один прибор.

- Ну, девицы-красавицы, как дела? – в дверном проеме показалась улыбающаяся физиономия Валерки. – Ведем затворнический образ жизни?

- Не по своей воле, - пропела Тюльпанова и кивнула на стул.
Друг не стал себя долго упрашивать.
- Я вам гостинчик принес, подумал, вдруг вы голодные сидите, а вас тут пир! – Лизонькин протянул мне сумочку с суточным довольствием, предназначенным для целой роты.
- Пир во время чумы, - пробурчала я, складывая продукты в холодильник.
- Сейчас проходил мимо места преступления... Сердобольные граждане положили на землю цветы. - сказал Валера, размешивая в тарелке с борщом сметану.
- К...какие цветы? – поперхнулась я.
- Цветы? – майор задумался, было понятно – от ботаники он так же далек, как земля до Луны. – Ну, эти... как их, - позабыл он название и попросил помощи зала в моем лице.
- Гвоздики! – ляпнула я с дрожью в голосе.
- Точно, гвоздики! Только необычного цвета, не красного, а...
- Бордового! – снова подсказала я.
- Я бы сказал... цвета вареной свеклы.
- Тебе виднее, ты видел букет при ярком освещении. – я водила ложкой в тарелке, создавая круговерти и не могла свести разрозненно плутающие мысли в одно целое, которое даст подсказку.
- Машка, ты на улицу выходила? Это ты положила цветы?
- Валерка, ты так же плохо соображаешь, как и я!
- Он просто устал, ночь не спал, а потом скупал провиант для нас, - вступилась за него Катерина.
- Значит, не выходила, - кивнул головой Лизонькин, но как узнала про гвоздики?
- Понимаете, товарищ майор, меня эти бордовые цветочки сразу смутили.... – Я рассказала ему про визит Николашкина. – Чего бы ему приходиться к Тюльпановой? Ну, не пришла она в редакцию, что из этого? Катька не сидит на месте восемь часов, как привязанная.
- Тем более, мы попросили главного редактора, который к нам относится по-отечески, скрыть, что мы больны... ветрянкой. И, вообще, ни с кем не обсуждать причину нашего отсутствия.
- Может, он захотел тебя увидеть? – обратился приятель к Тюльпановой.
- Купил букет, принарядился в костюмчик, чего раньше никогда не было, и пришел: здравствуйте, не ждали! – нервически произнесла я.
- Ты и костюм разглядела в дверной глазок? – недоверчиво спросил он.
- У меня стопроцентное зрение! У него была куртка нараспашку...
- Вы не проследили в окно, куда пошел ваш Николашкин?
- Нет, у нас были другие более важные дела! – ответила раскрасневшаяся Катерина.
- Наверное, борщ варили? – с издевкой брякнул мужчина.
- Естественно! – передернулась я от непонимания.
- Думаю, он расстроился, что не застал Тюльпанову дома, вышел из подъезда, случайно услышал про убийство девушки, преисполнился любопытством, как человек из прессы, пошел на место преступления и положил цветы, которые ему стали без надобности. Я вас убедил и успокоил?
- В том –то и дело, что не убедил и не успокоил! – расстроено заметила я, выходя из-за стола. Я подошла к окну и попыталась увидеть то место, где мы нашли тело девушки, но мне это не удалось. – Фил живет в своем мире, его интересует только работа...
- Не скажи, - перебила меня подруга. – Помнишь, главный в прошлом году отмечал юбилей в ресторане?
- Помню, - подобралась я, предчувствую, что сейчас мои мысли начнут собираться.
- Николашкин подпил и стал мне докучать занудными разговорами.

- Я этого не видела, - удивилась я.
- Конечно, ты весь вечер танцевала с Прудниковым! – она произнесла фразу таким возмущенным тоном, будто я отвергла всех поклонников, включая и ее саму, желающих совершить в паре со мной круг вальса.
- Кто такой Прудников? – вставил вопрос Лизонькин.
- Зам. главного, но это не важно, - отмахнулась я.
- В общем, пока Машка зажималась с Прудниковым, Фил подсел ко мне и стал что-то плести про женщин, которые дальше своего носа ничего не видят...
- Он имел в виду тебя? – догадалась я.
- Я сначала тоже так решила... - задумчиво произнесла подруга, - и только вчера вспомнила то разговор и поняла – он говорил о Соломкиной.
- Почему вчера? – удивилась я запоздавшей сообразительности подруги.
- Я заметила его взгляд в твою сторону! Помнишь, я звала тебя в беседку, чтобы поделиться открытием?
- Помню, но не понимаю одного – зачем он год назад обсуждал с тобой мое поведение?
- Фил не обсуждал, он мягко намекал, что наша дружба его раздражает. Видите ли, он не имеет возможности объясниться с тобой, потому что я всегда рядом.
- Было бы желание, - философски высказался Валерка.
- Наверное, было, и оно давило на него, беспокоило, просилось наружу, но барьер в моем лице все время мешал. Потом состоялась одна фотосессия, породившая в нем преступные наклонности...
- Какая фотосессия? – напрягся майор.
- Я тебе потом все объясню! – бойко пообещала я, боясь того, что Катька потеряет мысль.
- Неужели Фил так долго вынашивал идею... убрать меня с дороги?
- Почему, нет? – прошептала я, пораженная догадкой. – Не каждый решится на преступление.
- А может, он решился на объяснение после вчерашней вечеринки? Пока мы блуждали по ночному городу, он пошел к нашему дому и стал ждать. Увидел Варваву, в темноте не разобрался и решил, что это я. Порадовался моему одиночеству и предоставленной удаче избавиться от человека, постоянно мешающего сблизиться с любимой девушкой.
- А сегодня пришел, чтобы выразить соболезнование родителям и возложить цветы?
- Преступника всегда тянет на место преступления, - заключил майор.
- Я не могу поверить, что вполне безобидный на вид молодой человек был одержим маниакальной идеей устранить мою подругу, как препятствие на пути к нашему счастью! – мысли в голове еще больше запутались, поэтому я посмотрела на Лизонькина, способного убедить меня в обратном или подтвердить догадку Тюльпановой.
- Но разговор пришлось отложить – в комнате разрывался от возмущения мой мобильник.
- Это мама! – объяснила я застывшим приятелям, последовавшим за мной.
- Маша, что происходит? – голос матери дрожал, она с трудом сдерживалась, чтобы не разрыдаться.
- Я тебе все рассказала, - непонимающе пролепетала я.
- Ты рассказала про Варвару! А ко мне приходил молодой человек, он сказал, что он работает вместе с тобой, назвался... Филом Николашкиным... Он заявил, что... Катеньку... убили! – мать не сдержалась и заплакала.
- Успокойся, наша Катенька жива и здорова, сейчас стоит рядом и передает тебе привет!
- Это правда? Ты не обманываешь? – прогундосила она.
- В подтверждении своих слов я передала трубку Тюльпановой...
- Николашкин точно с катушек съехал, - пробормотала я. – Уже бы объявление на подъезде повесил – я убил Катерину и избавил Соломкину от ее общества!

- Могу предположить, что он сам не ожидал от себя такого дерзкого поступка, - сказал Лизонькин. – В голове много раз прокручивал, как расправится с Тюльпановой, потому и ножик держал при себе. Поутру проснулся и не смог сообразить – все произошло наяву или пригрезилось? И решил проверить...

- Но на всякий случай купил букет, - вставила я.

- Может, букет он купил для тебя, - предположила подруга.

- Или для отвода глаз, - выдал свою версию Валерка. – Пришел в ваш двор, услышал бабские пересуды, заметив кивки в сторону подъезда Катерины, где так же проживала погибшая Варвара Кузнецова, и так обрадовался, что потерял осторожность и явился на квартиру девушки, которую накануне убил... Потом эти цветы на тропинке...

- Но как мы докажем, что это Фил расправился с Кузнецовой? – мрачным голосом поинтересовалась я.

- Есть разные способы – можно легко найти следы крови на одежде, в которой он вчера был, опять же орудие преступления не нашли, он мог нож выбросить по дороге, а мог пожлобствовать и забрать домой. На нем так же могли остаться следы... А если он психически неустойчив, то есть шанс воздействовать на него стрессом. Допустим, перед ним внезапно появляется человек, которого он якобы убил накануне. Он сам себя выдаст.

- Почему мы сидим? – возмутилась «восставшая из мертвых» Тюльпанова...

Как рассказал нам после всех событий наш главный, Николашкин пришел к нему в кабинет и поделился печальной новостью. «Отец родной», как мы про себя прозвали начальника, долго сокрушался, закинул по язык валидол, затем собрался и решил возложить все проблемы с погребением на плечи редакции.

Но тут... дверь кабинета открылась и вошла живая и невредимая Катерина, произведя эффект разорвавшегося фугаса, который вместо грязи оросил присутствующих клеем, надежно прикрепившим их сидалища к креслам. Удивленные глаза Филя достигли таких размеров, что превратились в две автомобильные фары, а из открывшегося рта вырвалась, как птица из клетки, одна фраза.

- Ты... жива?

- А ты успел заказать панихиду по убиенной тобою Катерине Тюльпановой?!

Николашкин пошарил взглядом по белой куртке девушки и задумчиво произнес без тени раскаяния.

- Неужели я ошибся?..

Сентябрь 2011 года
г. Ростов-на-Дону